

Глухая старушка явно побаивалась Директора Ван. Несмотря на внутреннее недовольство, она не осмеливалась закатывать истерики или бросаться на пол.

— Говори! Онемела, что ли? А ведь только что была такая красноречивая, — прикрикнула Директор Ван.

Старушка что-то невнятно бормотала, видимо, понимая, что её затея выглядит бесстыдно, и никак не могла выдать хоть сколько-нибудь вразумительный ответ.

Как раз когда Директор Ван уже собиралась выйти из себя, рабочие, оттрубившие смену на Сталепрокатном заводе, начали возвращаться в Сыхэюань.

Двое мужчин в серых рабочих робах толкнули дверь и, увидев в комнате целую толпу, замерли от неожиданности. Высокий мужчина средних лет, заметив Лу Пиньяня, который стоял в стороне, придерживая сестру, остолбенел.

Первым опомнился невысокий мужчина. Он натянуто усмехнулся и поспешил поздороваться с Директором Ван:

— Ха-ха-ха, Директор Ван, как вы здесь оказались? Это что...

— Лу Даюн, кончай скалиться! Ты что, не узнаёшь, кто стоит рядом? У тебя ещё хватает наглости спрашивать, как я здесь оказалась? Если бы не ваши грязные делишки, стала бы я бросать свои дела и бежать сюда, даже не успев приготовить ужин детям? А ну, отойди в сторону!

Тот самый невысокий Лу Даюн поспешно потянул высокого товарища в сторону, прижался к стоящей неподалёку женщине и начал о чём-то шептаться.

Директор Ван велела сотрудникам Уличного комитета, пришедшим вместе с ней, позвать трёх управляющих двора. Вскоре те привели первого управляющего Лю Хайчжун и второго управляющего Янь Бугуй. Они доложили, что третий управляющий, Сюй Дамао, занят важными делами в Революционном комитете и отсутствует.

Когда все собрались, Директор Ван кашлянула и заговорила вновь:

— Эта Ша Силэ была отправлена в Бэйдахуан как образованная молодёжь под именем Лу Пиньяня, но сотрудники Полицейского участка вернули её обратно. Лю Хайчжун, Янь Бугуй, вы, как управляющие, можете понять, в чём тут дело? Вы что, совсем ничего об этом не знали?

Лю Хайчжун, страдавший тяжёлой формой чинопочитания, при виде начальства первым делом почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Заметив недовольство Директора Ван, он начал лихорадочно соображать. Вспомнив события прошлого года перед массовой отправкой

молодёжи в деревни, он тут же захотел подставить бывшего первого управляющего И Чжунхая. Но, подумав о том, как бы самому не вляпаться, поспешно перевёл взгляд на Янь Бугуя.

Янь Бугуй, мастер расчётов, в ситуации, когда любой ответ казался неверным, мечтал лишь об одном — стать невидимым. Кто же захочет высовываться первым? Он молча уткнулся в пол.

В конце концов, Лю Хайчжуну пришлось набраться смелости и выступить вперёд:

— Директор Ван, это любой дурак поймёт, но мы действительно не знали, как именно семья Лу провернула это дело. Когда они заявили, что Ша Силэ потерялась, мы втроём даже организовали поиски...

Директор Ван с грохотом ударила ладонью по столу:

— Лю Хайчжун, не надо прикидываться дурачком! Я не поверю, что ты, как первый управляющий, не знал, кто должен ехать в деревню, а кто подал заявку. Лу Пиньянь, который должен был уехать, полгода околачивался во дворе, а ты, управляющий, даже не удосужился спросить почему? Тогда я считаю, что тебе пора сложить свои полномочия!

Лю Хайчжун занервничал. Его уже сняли с должности в отряде рабочих дружинников, и он держался за пост первого управляющего, который, по сути, и должностью-то не был, лишь ради собственного утешения. Разве мог он стерпеть угрозу увольнения? Он тут же выложил всё на И Чжунхая.

Услышав это, Директор Ван даже хмыкнула от возмущения:

— Выходит, это И Чжунхай надоумил? Я не понимаю, какое дело ему, обычному гражданину, до этого? С чего он решил лезть не в своё дело? А ну, приведите сюда И Чжунхая!

И Чжунхай как раз ужинал дома и слушал отчёт жены о происходящем во дворе. Когда та затараторила о том, что Лу Силэ проделала такой путь, чтобы вернуться в Сыхэюань, у него внутри всё сжалось.

В этот момент в дверь постучали. Открыв её, он увидел на пороге сотрудников Уличного комитета.

— И Чжунхай, Директор Ван просит вас зайти в дом семьи Лу, есть разговор.

И Чжунхай бросил на жену яростный взгляд, подумав: ну и баба, мелет всякую чушь, а главного не скажет. Сказала бы раньше, разве сидел бы я сейчас спокойно, доедая ужин? Давно бы уже спрятался где-нибудь! Просто бестолочь.

Стоило И Чжунхаю войти, как Директор Ван сразу перешла в наступление:

— И Чжунхай, отвечай. Это ты надоумил семью Лу поменять местами Лу Пиньяня и Лу Силэ, чтобы Ша Силэ поехала в деревню вместо него?

И Чжунхай затряс головой, наотрез отрицая обвинения:

— Директор Ван, такие вещи нельзя говорить просто так! Кто не знает, что я, И Чжунхай, человек честный и высоконравственный? Как я мог подсказать кому-то такую подлость? Я с этой дурочкой в ссоре не был, зачем мне губить жизнь ребёнку?

Старушка из семьи Лу насмешливо фыркнула:

— И Чжунхай, не строй из себя святошу. Я не знаю, зачем ты это сделал, но именно ты предложил эту идею. Ты говорил, что Пиньянь такой послушный и умный ребёнок, что жалко отправлять его в деревню, а если попадёт на северо-запад или северо-восток, то натерпится лиха, а то и жизнь потеряет. Ещё говорил: вот бы этот дурачок мог поменяться с Пиньянем местами. Я тогда спросила, как это возможно, если всё под контролем Уличного комитета и отдела по делам молодёжи? А ты ответил, что при отправке народу — тьма, и чиновники не знают всех в лицо. Ещё спрашивал, знает ли дурочка своё имя и не подумает ли она, что её зовут Лу Пиньянь...

И Чжунхай покачал головой:

— Старая вы, совсем из ума выжили. Вы пристали ко мне с расспросами про отправку молодёжи, я просто поддержал беседу, с чего вы взяли, что это мой злой умысел? Господа, я ничего подобного не говорил! Вы утверждаете, что я это сказал, но кто ещё был рядом? Есть свидетели?

Старушка из семьи Лу задохнулась от возмущения — такие вещи обсуждаются приватно, они были вдвоём, кто же подтвердит её слова? Позже она обмолвилась об этом Лю Хайчжуну, когда тот почуял неладное.

— Раз нет доказательств, не надо болтать попусту, это вредит единству соседей, — продолжал И Чжунхай. — Впрочем, я не мелочный человек. Если вы перестанете меня клеветать, я готов простить вас, вы всё-таки старше. Я всегда уважал старость. Вон, Глухая старушка прикована к постели, так мы с женой до сих пор ухаживаем за ней, не покладая рук...

Директор Ван махнула рукой, прерывая его. И Чжунхай много лет был у неё на виду, вёл себя прилично, в праздники всегда проявлял должное уважение, и она была склонна верить, что он не такой уж плохой человек.

— Ладно, я всё поняла. Раз к тебе претензий нет, иди отдыхай.

— Слушаюсь, Директор Ван, тогда я пойду... — уходя, И Чжунхай многозначительно посмотрел на Лу Пиньяня, отчего тот окончательно запутался.

Что это значит — этот «великий моралист» И Чжунхай? Неужели я перешёл ему дорогу?

<http://bllate.org/book/18528/1782167>